

Мёртвое поле

рассказ

Допустив ошибку в расчетах, я залпом гаубичной батареи уничтожил мост, обозначенный на местности мини-полигона. Согласно легенде занятий, мост через речку стоял в полосе нашего наступления.

– Все, – в сердцах прорычал комбат, старший лейтенант Карпенко, – танковая колонна по мосту не пройдет. Наступление захлебнулось! Двойка тебе, курсант, а в военное время был бы трибунал. Заруби на носу: за такую стрельбу – трибунал и расстрел!

Морозной осенью учебная батарея прибыла на полигон, лежавший в сопках, запеленатых дубовой порослью. Замаскировав в капонирах пушки, огневики изготовились к стрельбе. Разложив на бруствере окопа рабочие планшеты, разведчики прильнули к окулярам. Стрельба танкистов, зенитчиков, артиллеристов шла в плотном графике. Полигон оглох от выстрелов. Ополченцам, приписанным к подразделениям, пришлось заново осваивать навыки стрельбы, вспоминать забытый гул канонады.

Учебной батарее оптической разведки придали двух старых артиллеристов. Один, шутник и балагур, на фронте потерял ступню. Стреляем без спешки и суеты, на границе затишья. И крепчает морозец.

– И нас, закон-дали, поближе к орудьям! – с полуоборота завелся словоохотливый старик. Я, конечно, закон-дали, не возражаю и даже одобряю. Хватит на печи лежать. А в такую погоду, коли командир позволяет, можно и у костерка погреться. Как вы, ребята, не против, закон-дали?

Ветеран с разрешения командира взвода разложил костерок. На протезе резво скачет вокруг огня, греется. Топают ногами, машет руками, хлопает по языкам пламени, ну, чисто шаман в огненном танце. Как и положено бывалому солдату, наставляет курсантов:

– В ваших расчетах, закон-дали, ничего не понимаю, давно формулы забыл. А стрельбу завсегда налажу. Бить врага – в узкую вилку брать!

Сразу не поняли, о каком законе толкует фронтовик. Оказалось, пресытившись не всегда разумными законами, два слова «закон-дали» сделал присказкой на все случаи своей жизни.

Умолк раскат далекого взрыва. После первых ударов тяжелых орудий ополченец поежился, но возбужденный стрельбой, решительно не мог смолчать, о чем оповестил курсантов скрип его протеза. Обойдя круг костра, притопнув у огня скрипучей ногой, продолжил:

– Анекдот вспомнил, закон-дали, в окопе Сталинграда слышал.

У курсантов ушки на макушке. Греясь над углями костра, слушают ветерана:

– Два солдата несут пост у дома генерала. Глянь – дочка в окне, закон-дали. Один другому говорит: «Такую красу полюбить, всю бы жизнь служил!» А генерал мимо шагает, слышит. Приглашает в апартаменты. Спрашивает дочь: «Пойдешь замуж за солдата?». Девица брезгует. «Шаг вперед, товарищ лейтенант!» Дочка хмыкает носиком. «А за полковника?» Дочка, наострив ушки, повела бровью. Уловив заминку в лице зазнобы, солдат говорит: «Сдалась мне ваша дочка, товарищ генерал. Еще шаг, я и сам генералом стану!»

Смех курсантов ополченец поддержал вяло, из солидарности. Спрятав скупую улыбку, вздохнул, прислушался к неумолкающим на сопках взрывам и, постучав по протезу хворостинкой, пробурчал в усы: дескать, эта нога не мерзнет. Неловко стало за рассказанную притчу, потому как напомнима совсем о не веселом:

– Там, под Сталинградом-то, команды «к бою» ждали, да в скорости окоп наш миной накрыло. Бойца-рассказчика убило, меня в санбат, потом в госпиталь, там и того дальше, домой. Не успели мы с тем товарищем генералами-то стать.

Курсанты спрятали улыбки, их лица посуровели.

А стрелять, сынки, надо метко, – тревожа хворостиной уголья костра, – сменил тему старый солдат. – Снаряд выточен рабочими руками, закон-дали, цена ему пара хромовых сапог! Так в батальоне замполит сказывал. Земля ему пухом.

Весеннее тепло ручьями перетекло в жаркое и влажное лето. Батарея обживает знакомую местность. Казалось, с холмистых дубрав сняли желто-бурую маскировочную сеть и заново накрыли, но уже новой, ярко-зеленой. Прильнув к окулярам буссоли, запоминаю сектора обстрела,

вычерчиваю схемы ориентиров, вычисляю дирекционные углы. Всюду сияют россыпи белых ландышей. Земля усеяна осколками мин и снарядов. Железный лом маскируют островки цветущих ландышей!

Стрельбы на полигоне проходили часто. Расстреливая днями кряду огурцы, так называли подлежащие утилизации снаряды, услышали экстренное сообщение ТАСС. Горькое известие прозвучало из лежавшего на бруствере окопа транзисторного приемника: «30 июня 1971 года погибли космонавты Волков, Пацаев, Добровольский...»

Батарея на огневой позиции, в наушниках слышу приказ комбата:

– Давай залпом, из шести орудий! По одному залпу в честь каждого космонавта!

Сектор удобный: на горизонте темнеют бугристые холмики в обрамлении выкошенного осколками светлого древостоя. И только в последний момент, успев передать батарее команду, увидел в линзе буссоли черный зрачок лисьей норы. Разглядел лисицу с выводком, резвящимся на солнечном взгорке. Облюбовала кума затишок, куда давно не ложились снаряды, без прописки занорилась там, где не положено. Но уже злыми шершнями прошуршали над головой стальные болванки. Один снаряд издавал звук, похожий на глухой визг обиженной свиньи. На линии огня выросли бурые кусты. Горизонт прояснился не сразу: когда села земля и развеялся дым, ни бугорка с норой, ни лисьего семейства я не увидел. И, оторвавшись от окуляров, меня сверлил осуждающим взглядом дальномерщик Иван Шоктар.

До окончания стрельб угрюмый тувинец был молчалив и мрачен. Успев до службы поработать охотником-промысловиком, он не стрелял по детям природы, к тому же из пушки крупного калибра. А я просто опешил, проявив излишний интерес к рыжему семейству. Промедлил, не успев скорректировать стрельбу и даже посочувствовать нечаянным жертвам. Получился снайперский выстрел, когда снаряд попадает в десятку, то есть в амбразуру укрепления неприятеля. На фронте за такой выстрел орден давали. Я же за расстрел лисьего семейства был согласен на наказание.

Спустя годы, я увидел своего комбата в сводке теленовостей. И никак не старшего лейтенанта, а куда выше, настоящего полковника Карпенко, выступавшего с трибуны кремлевского дворца съездов на всесоюзном собрании офицеров. Волевое лицо, римский профиль,

грассирующая речь. Казалось, шаг, один только шаг и он, как солдат из рассказанной ополченцем притчи, станет, закон-дали, генералом!

Продолжить службу с Иваном помог добрый казус. После окончания учебной школы нас отправили не в дальний гарнизон, а оставили в столице края, в одной дивизии, в одном полку. И что совсем здорово, в одной гаубичной батарее! Должности командира огневого расчета мой друг предпочел службу в отделении оптической разведки, но и здесь не изменил армейской профессии. Таскать на маршах, по глубокому снегу и сезонному бездорожью прибор весом в полцентнера Ивану не в тягость. На широких плечах друга громоздкий чехол с оптикой кажется игрушкой. Имея орлиный глаз и мощные окуляры, Ваня безошибочно определяет расстояния до целей. Таежный человек, он добр, покладист, невозмутимо спокоен. Но однажды, на летних дивизионных учениях, чуть было не подвел нашу гаубичную батарею.

Тувинец Иван Шоктар любил собак и, уходя на службу, оставил дома верного пса по кличке Биктай. Вместо фотографии девушки носит на груди, в корочках комсомольского билета, снимок четвероного друга. Показывает мордашку лайки товарищам-батарейцам, рассказывает о таежных вылазках, увлекательных охотах, добычливом промысле зверя в компании с Биктаем.

Никто не удивился, когда в полку Иван прикормил дворового пса, взявшего с ладони кусочек хлеба и на кличку Биктай отозвавшегося дружелюбным помахиванием хвоста. Разведчик привязался к собаке, да так крепко, что в дни нарядов берет с собой на посты. Начальники караулов к тому привыкли, внимания на нарушение устава не обращают. В палаточном лагере, на полевых занятиях, в окопе наблюдательного пункта, на речке в редкие часы отдыха Иван с собакой неразлучны. Пес и спал бы в теплой казарме под кроватью разведчика, если бы позволял строгий старшина.

В летнюю пору, днем ясным и знойным, колонна полковой техники вытянулась в направлении полигона. Водители тягачей заправили баки, пушкари прицепили гаубицы, разведчики погрузили амуницию, приборы, походный скарб, а Иван все мечется по закоулкам полка, кличет Биктая. Собака на зов не откликается.

В военном городке собачий лай поутих накануне учений. По неведомой причине исчезли все полковые псы. В пути Ваня молчал, много

курил, не замечая тряской дороги, палящего солнца. Когда встали лагерем, ушел в джунгли сопки и долго не возвращался.

Пока огневики окапывались и маскировались, разведчики выдвинулись вглубь полигона, заняли укромное место на склоне кудрявой сопки и двое суток вели наблюдение за передним краем противника. Окопы НП отрыты до нас, шанцевый инструмент до времени оставался в чехлах. Донимают жара и мокрец, нудная, жалящая злее крапивы мошка, проникающая в складки камуфляжной униформы, до горячих тел. Засекли и нанесли на схемы ориентиров огневые точки, искусно замаскированные неприятелем на склоне дальней сопки. Ее заросший дубняком хребет, темневший за широкой ярко-зеленой лощиной, изучали днем и ночью. Передний край сверлили острыми линзами без лишних перекуров. К исходу вторых суток у подножия сопки сел вертолет. В окулярах бинокля обозначилась фигура командира, поднимающегося по склону. Судя по звездам на погонах – генерал!

Встретили по всей форме. После рапорта и команды «вольно» начальник штаба дивизии, генерал-майор Мамишев, охладив нас колким взглядом, приступил к изучению разведанных. Результаты двухсуточного бдения изучал утомительно долго. Или так показалось? Расчеты, склоняясь над буссолью, сверял с собственным визуальным осмотром местности. Прильнув к окулярам дальномера, сравнивал расстояния до разведанных целей.

Солнце зацепилось за вершину далекой сопки, угасал утомительный день, а с наших лиц ручьями стекал горячий пот. Наконец, остановив командирский взгляд на усталых разведчиках, генерал по-отечески тепло сказал:

– Спасибо, сынки. С задачей справились отлично!

Следом были загадочная пауза и улыбка, осветившая суровое лицо генерала:

– А в отпуск домой не желаете?

Едва не потеряв дар речи, не веря ушам своим, ответил за все отделение:

– Так точно, товарищ генерал, желаем! Если не пошутили?

В напряженной тишине, объявшей скрытый в зеленой сопке окоп, прозвучала команда начштаба дивизии:

– Смирно! За образцовое выполнение боевой задачи личному составу отделения оптической разведки объявляю краткосрочный отпуск на родину!

В необозримом море приморских сопок, дробясь после каждого слова, раскатисто прозвучало бархатисто-мягкое эхо:

– Служим Советскому Союзу!

Мы понимали, то, что произошло, случается разве что во сне, а не наяву. Нас, разведчиков, генерал наградил отпуском! Недаром ругал в школе комбат, когда на учебных стрельбах мини-полигона я разрушил свой мост и сорвал планы наступления. Армейское правило: «Не можешь – научим» здесь, в сопках, выстрелило без промаха.

Одарив оглушенных неслыханной благостью ребят крепким рукопожатием, поблагодарив за службу, генерал, удерживаясь за кусты орешника, столь же неспешно, как поднимался, стал спускаться к вертолету. Винтокрылая машина взлетела, исчезнув за склоном сопки, как ее и не было. А мы, загоревшие под жгучим солнцем, с опухшими от укусов мокреца лицами, изрядно уставшие и ко всему потрясенные щедрым посулом генерала, остались со своей радостью одни одинешеньки.

Иван Шоктар совсем опечалился и сник, когда перед палаточным лагерем, удобно вписавшимся в холмистый рельеф местности, поставили стеклянные ящики, похожие на большие аквариумы. В просторный короб опустили дворняжку, плотно задраили крышку и открыли баллон с невидимым газом. Собака, копия космических Белки и Стрелки, сотрясаясь в судорогах, на глазах затихла, натурально сдохла. Отправили не в космос, а на тот свет. Увидев жестокую картину, Иван почернел лицом, глаза потемнели, на смуглых скулах забегали желваки. Не нарушая сковавшую солдат тишину, он шептал грозное и обидное на родном тувинском языке.

Околевшую собаку вытянули из емкости, оттащили в сторону. Проветрив стеклянную усыпальницу, опустили на дно вторую симпатичную дворнягу. Песик из прозрачной, раскаленной на солнце гробницы смотрел на унылое воинство с тоскливой безысходностью.

Опыт повторили. Вытянув из аквариума сотрясаемое судорогами животное, химики положили дворняжку на зеленую траву, ввели в тело антидот, сделали искусственное дыхание. Собачка ожила, тяжело поднялась на четыре конечности, с усилием подтаскивая парализованную

ногу. Прозвучал пистолетный выстрел, офицер химической службы прервал мучения животного.

Офицер в очках предельно ясно изложил строгую инструкцию. Солдатам, сержантам, офицерам, всем участникам учений, и генералы не исключение, выдан шприц-тюбик с антидотом. Хранить его следует в кармане химзащиты, не терять и не разбивать. Если кто-нибудь на зараженной территории хлебнет глоток газа, надо вонзить иглу в свое тело или тело товарища, и затем радоваться воскрешению!

Обласканные миром космические собачки вернулись домой живыми, а наши четвероногие друзья умерли безымянными. Никто, кроме предавших их хозяев, не знал кличек подопытных собак. Статный красавец чеченец, лучший разведчик отделения Саид Селим Кадиев мрачно пошутил:

– Если как с собачками, нас тоже пристрелят?

Нещадно палит солнце. Тела солдат, одетые в глухую химзащиту, варятся в собственном поту. И только когда военный люд окончательно изнемог, в небо вонзилась сигнальная ракета. Танкисты, зенитчики, пехотинцы жарятся под броней грозных машин. Сидя в открытых кузовах, разведчики сочувствуют братьям по оружию. В атмосфере азиатского зноя ребята томятся под стальной броней. В чреве грозных машин властвует сущий ад.

Время течет долго. Наконец-то полковая колонна въехала в зловещий распадок. На черном поле мы увидели изрядное число разномастных псов. И это, на сленге современной молодежи, была жесть! Собаки рвались с привязи, громко лаяли, лежали бездыханные, бились в конвульсиях. Иные, запрокинув головы, выли по-волчьи, чуя близкую гибель. Химики вбили в землю трубы с кольцами и замкнули карабины на ошейниках собак. Сработали надежно, уссурийский тигр на волю не убежит.

Только Иван по-охотничьи острым, а сейчас донельзя злым и свирепым взглядом усмотрел в сонме обреченных животных любимого Биктая. Пес лаял на лязгающую и воняющую колонну, словно взывал к помощи и состраданию. В следующее мгновение солдат перебросил мощное тело через борт машины, по-медвежьки прытко побежал к погибающему другу. В сковавшей тело и дыхание химзащите махом преодолел смертельно опасную дистанцию, ловко разомкнул карабин на ошейнике. Взвалив грузное животное на широкие плечи, вернулся к

колонне. Сбросив оцепенение, мы приняли Биктая в протянутые руки. Разведчик, кажется, не пострадал, а из пасти пса клочьями спадала пена. Ваня выхватил из кармана шприц-тюбик, вонзил иглу в тело собаки. Пытаясь привезти друга в чувство, сделал ослабевшему питомцу искусственное дыхание. Шприцами про запас никто не озаботился, их выдали по штуке на брата.

Было очевидным, что скрыть поступок Ивана вряд ли удастся. Пришлось останавливаться, за нами встали тыловые службы, полевые кухни, медицина и прочее. Неожиданная остановка полковой колонны напоминала пробку на улицах мегаполиса. За эту пробку, в первую очередь, ответит командир взвода управления старший лейтенант Леонид Оранчук.

Достав фляжки, мы поили Биктая водой, трепали по шерсти, дергали за лапы, тормозили за хвост, холку, уши. Пытаясь привести в чувство, снова лили воду в горячую пасть. Пес открыл мутные глаза, облизал ладони Ивана, в нем затеплилась жизнь. Он снова лизнул руки спасителя, заерзал по плащ-палатке, пытаясь подняться на лапы. Жалобно скуля, проявлял явное желание жить, дружить, продолжать службу.

К лобному месту химики-палачи приковали Биктая недалеко от кромки поля. Облако ядовитого газа, коснувшись пса невидимым крылом смерти, сместилось в сторону. Нам казалось, что оба друга, Иван и его пес, вернулись с того света. Внешне парень не изменился, был задумчив и молчалив. Да и много ли разглядишь за резиновой маской противогаза.

В пекле знойного дня притих пес. Из его открытой пасти вывалился язык, в ритм дыханию вздымались влажные бока. По шкуре пса челноком скользила ладонь Ивана. Казалось, ни громкого подвига, ни дерзкого преступления он не совершил. Так поступком или проступком назовут командиры спасение Биктая? О происшествии на дороге узнает командир полка, а то и выше. Никому не поздоровится! Но мыслимо ли бросать своих в отравленном поле? В какой инструкции написано: казнить, нельзя помиловать? Будет правильно: казнить нельзя, помиловать!

Избежать широкой огласки ЧП помогло другое трагическое происшествие. Полковая колонна, миновав мертвое поле, превратившееся в кладбище уссурийских собак, неожиданно застопорила ход. Причиной остановки, как узнали позже, стал солнечный удар, полученный солдатом боевой машины. Поднеся бинокль к глазам, я увидел, как по немыслимой крутизне, напоминая цепкого жука, к вершине сопки ползет БМП. И

вдруг, коротко постояв, братская могила пехоты, как шутят солдаты, резко сорвалась с места, устремилась вниз. До слуха донесся звук удара, скрежет металла.

В изнурительной жаре механик-водитель получил солнечный удар. Теряя сознание, но помня о десанте за спиной, парень продолжил движение не в сторону крутого склона, где обязательно бы опрокинул машину, а к подножию сопки. Потеряв управление, ослепшая БМП неожиданно атаковала ее вершину. После резвого ската к подножию и могучего тарана в голову колонны можно было не сомневаться: учения для ребят окончились досрочно, в высшей степени трагично.

Пока Шоктар отсиживал на гауптвахте пять суток, Биктай стал любимцем всей гаубичной батареи. У пса появился персональный котелок, куда солдаты не скупались подкладывать кусочки провианта и мясные кости. Старшина Скиба разрешил Биктаю спать под кроватью Шоктара.

Комвзвода Леонид Оранчук строг, но справедлив. В условиях полевых учений он настоял на проведении экстренного комсомольского собрания. Речь шла о дисциплине, выполнении боевой задачи, соблюдении воинского долга. Разведчик Шоктар свой долг выполнил.

Не поминай лихом, Иван, не обижайся на друга-командира. Голосуя за объявление тебе строгого выговора, я, ваш комсорг, первым поднял свою руку. Но и в генеральский отпуск на родину мы проводили тебя первым.